

Михаил Юрьевич Тырин

Пустоземские камни

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184732
Михаил Тырин. Истукан (сборник): Эксмо; Москва;
ISBN 5-04-007647-9*

Михаил Тырин

ПУСТОЗЕМСКИЕ КАМНИ

Не важно, в каком году произошла или произойдет эта история. Важно, что все это – чистая правда.

Первая молния рассадилась небо, как раз когда Витек собрался сойти с бетонки на утоптанную тракторами кромку поля. Он уже занес ногу, как вдруг черная стена ночи раскололась пополам и из трещины вырвался ослепительный свет, на мгновение превращая ночь в день.

Витек замер было в испуге, но тут тяжелая дождевая капля разбилась о его макушку, заставив устремиться вперед. От края до края земли перекатился рассыпчатый гром, а когда он смолк, стало слышно, как капли шлепаются о дорогу все чаще, быстрее, громче...

Через минуту вокруг были только темная муть и монотонный шелест. Огни поселка, что так призывно блеснули из-за реки, сгинули в дожде. Витек, спотыкаясь и раскачиваясь, двигался вдоль края кукурузного поля, чувствуя, как над головой нагнетается вся сила и злость, на которую способна летняя гроза.

Земля под ногами стремительно раскисала, а ему предстояло еще немало пройти: обогнуть поле, пересечь березовую рощу, спуститься по долгому пологому берегу к переправе,

вновь подняться. А там еще миновать картофельные огороды, которые сейчас неотвратимо превращались в болота, и лишь тогда выйти к задворкам поселка.

Тетка была бы им недовольна. Только круглый дурень, сказала бы она, мог попасть в такую грозу, когда все нормальные люди сидят по домам. Но тетки здесь не было. Тетка находилась сейчас в своей кровати и похрапывала.

Надо было оставаться у свояка, допивать самогонку и слушать продолжение лекции о различных способах ловли рыбы. Об этом свояк мог рассуждать хоть до утра. Витек бы и остался, но понадеялся поспеть домой до грозы. Не послушал никого, понесло его в ночь домой, потому что договорился с утра снимать двигатель с молоковозки и ставить его на ремонт. А теперь вот сам – как рыба, весь мокрый...

Вода рушилась с неба, и не было ей конца. Поминутно сверкали молнии, гром сотрясал небеса над самой головой. Витек то и дело испуганно вжимал голову в плечи, и струйки холодной воды стекали с волос за шиворот. Громадные куски мокрой глинистой земли налипли на сапоги и нипочем не хотели отваливаться. Приходилось останавливаться, трясти ногами, бить ими друг о друга.

Витек вдруг сообразил, что может выгадать не меньше полукилометра, если пойдет не вокруг поля, а напрямик через него. Была бы здесь тетка, она догадалась бы раньше. Витек только не мог для себя решить, что лучше: продираться сквозь чащу кукурузных стеблей, где земля покрепче и посу-

ше, или ползти по просторной, но грязной и топкой обочине.

Он выбрал первое. Сначала идти было легко – грязь и впрямь не приставала к ногам. Но уже скоро борьба с упрямыми кукурузными стеблями настолько замучила, что Витек остановился и, словно заклинание, прокричал в небо длинное замысловатое ругательство.

Заклинание не помогло. Было холодно и мокро. Уставшие, избитые стеблями ноги ныли и подгибались, путь домой уже казался бесконечным. Витек нащупал в кармане четвертинку самогона, которую ему вручили в дорогу, и сделал несколько неторопливых, вдумчивых глотков. Тело согрелось лишь изнутри.

Витек захотел повторить прием микстуры и уже нашел губами горлышко, как вдруг случилось что-то невообразимое.

Громадная огненная стрела обрушилась с неба и вонзилась в землю с такой силой, что все вокруг затряслось. От грохота заложило уши. Витек выронил бутылку и оцепенел. Всего в десятке метров от него поднялся фонтан вздыбленной земли, кукурузные стебли с треском вспыхнули, но тут же погасли, сбитые дождевыми струями. Пошел густой дым.

Витек не одну минуту простоял, хлопая глазами и представляя себе, что могло с ним случиться, не остановившись он принять самогонки. Он нагнулся, поднял бутылку и бережно поместил в карман. «Спасительница», – подумал он.

Огонь выдохся, дым рассеялся, и все опять погрузилось в мокрый мрак. Витек сделал несколько робких шагов к месту

удара молнии. Ему все казалось, что в любую секунду это может повториться, и тогда от него точно мокрого места не останется.

Пахло гарью, жженые стебли расплзались под ногами. Витек всматривался в темноту и вроде бы различал опаленный круг и воронку в его середине. Он поежился. Может, не молния это была, а бомба, случайно упавшая с пролетавшего самолета? Идти дальше было страшно, оставаться – еще страшнее, да и незачем.

В этот момент высоко в небе в очередной раз проскочила извилистая огненная дорожка, и Витек даже присел, закрывшись руками. Это была всего лишь молния. И в момент разряда он успел увидеть, что какой-то большой булыжник показал ему свой круглый бок из самого центра воронки.

Рассматривать сейчас булыжники для Витька не имело никакого смысла. Он вскочил и помчался через поле, пригибаясь, как под обстрелом. Он несся, уже не обращая внимания на хлещущие тело стебли, дождь и раскаты грома.

Меньше чем через час он ввалился в сени, сбросил на пол мокрые сапоги, пиджак, штаны, наскоро вытерся покрывалом с диванчика.

– Где тебя леший носил? – сонно проворчала тетка, заворожавшись на кровати. – Небось ни одной собаки на улице нет, только ты шатаешься по чужим дворам.

– Я кукурузу тушил, – сообщил Витек. – Молния поле подожгла, а я там оказался, и вот...

– Ну что за дурень! – сокрушенно пробормотала тетка. – На дворе дождь, а он тушит. А завтра сушить пойдешь? Иди-иди, без тебя не обойдуться...

Через минуту она уснула, а Витек еще долго ворочался, во всех красках представляя, как могло бы корчиться его маленькое мокренькое тельце под ударом грозной небесной силы.

* * *

Пожалуй, это была самая беспокойная для Егорыча ночь за последние месяцы. Делать новую крышу на амбаре он закончил аккурат в тот вечер, когда ударила гроза.

Он лежал на кровати, тревожно прислушиваясь к громовым раскатам, и рассуждал, одолеют ли хлесткие дождевые струи новый рубероид, только что уложенный и закрепленный. По всему выходило, что не должны. Материал ложился добротнo, на совесть. Для себя делалось, а не для государства.

Егорычу не спалось, он думал о крыше. Словно бы не листы мертвого покрытия мокли под дождем, а родное и близкое существо. Жалко новую крышу. Лучше бы гроза прошла неделей раньше, когда была еще старая, из трухлявого шифера.

С этими мыслями Егорыч засыпал – с ними же и проснулся. За окнами избы улыбалось свежее, мокрое утро, дождь

ушел своей дорогой.

Егорыч натянул штаны и заторопился на двор – смотреть, как пережила стихию новая кровля. Куры неуклюже разбежались в стороны и снова сошлись за его спиной, чтоб укоризненно склонить набок головы и поквохать в адрес хозяйина.

Егорыч ворвался в сарай и с первого же мига понял: здесь что-то не так. Было слишком светло. Причина этого открылась ему в следующую секунду и поразила в самое сердце. В новенькой крыше зияла большая круглая дыра, ровная, как циркулем проведенная.

Не меньше минуты Егорыч простоял, глядя на эту дыру и жадно хватая ртом воздух, пропахший сеном и пылью. Еще один удар ожидал его, когда он опустил взгляд вниз. Такая же дыра, только изломанная, имелась и в полу.

У Егорыча подкосились ноги. Ни от кого он не мог ожидать такой подлости по отношению к творению рук своих: ни от грозы, ни от зверя, ни от человека. Кто мог позволить подобное варварство, невозможно было и представить.

Он приблизился к пролому в полу и заглянул туда, но ничего не разглядел в полумраке. Хлопнул по карманам – спички остались в рубашке.

Егорыч побрел за фонариком. Куры, увидев его, насторожились, но хозяин прошел в этот раз медленно, никого не беспокоя. Перекинувшись несколькими птичьими фразами, куры продолжили свои занятия.

– Чего, опять сердце болит? – встревожилась Дарья, супруга Егорыча, заметив из кухни его понурый вид.

Егорыч помотал головой и отмахнулся. Жена не стала пытываться, ей надо было наблюдать за кастрюлей на плите.

Вооружившись фонарем, Егорыч вернулся на место своей скорби. Он заглянул в пролом, надеясь найти там причину несчастья.

Под полом было много перегнивших опилок, куриного помета и костей, которые натаскала собака. Среди всего этого точно под дырой покоился темный булыжник размером с нормальный кочан капусты.

«Вот он, курва!» – процедил Егорыч и протянул руку, касаясь камня. Он был какой-то очень уж круглый, будто его специально ровняли. Обычно камни такими правильными не бывают, обязательно найдется изъян.

Егорыч хотел пошевелить его, но не смог – булыжник оказался чудовищно тяжелым.

Сопя от обиды и расстройства, Егорыч вышел за калитку и присел на корточки у ограды. Мимо гнали коров. Они медленно и уныло, как военнопленные, тащились вдоль хат и огородов, с печалью глядя на мир. Некоторые сходили с дороги, чтобы потыкаться мордой под какой-нибудь столб или забор, поискать вкусную травку, но ничего не находили и брели дальше.

– Куда! Куда пошла, говьяжье отродье! – надсаживался пастух. – Ровней шагай, холера! Равняйся в затылок, каторж-

ные! Куда прешь! Чего там забыла, холера каторжная...

Рядом с пастухом вышагивал с охапкой пустых мешков дед Харлам, очевидно, направляясь в этот ранний час на свиноферму за посыпкой для поросят.

– Дед! – позвал Егорыч. – Дай закурить.

Харлам остановился, поглядел на Егорыча с некоторым удивлением, но подошел.

– Ты чего? – спросил он, протягивая папиросу.

– Чего?

– Ну, смурной. Заболел или, к примеру, не спамши?

– Спамши, – угрюмо проговорил Егорыч. Затянулся дымом, затем со злостью сплюнул под ноги. – Пошли, дед, кой-чего покажу...

– Ах, растудить тебя по углам! – сокрушенно проговорил дед, оказавшись в сарае и увидав дыру в крыше. – И кто ж такое сделал?

– А вот не знаю кто! Погляди-ка еще сюда...

Дед внимательно разглядел булыжник, затаившийся под испорченным полом, покачивая головой и ворча про себя.

– Кто ж такое зверство сотворил? – опять спросил он.

– Я почему знаю?

– А если, к примеру, закинули мальчишки?

– Мальчишки? А ты возьмись подыми его!

Дед потрогал булыжник пальцем, подергал, попробовал раскатать. Если камень и сдвинулся, то самую малость.

– Тяжелый!

– А то!

– Я, к примеру, вот что думаю. Вчера гроза была? Была. Вот к тебе шаровая молния и залетела. Крышу попортила, пол сломала, а там и сама остудилась и улеглась тут.

– По мозгам тебе, дед, молния не ударила, нет? Если бы молния, от сарая одни уголья б остались!

Дед почесал затылок, прошелся из угла в угол, не переставая что-то бормотать. Снял кепку, снова надел.

– Тяжелое, – проговорил он.

– Тяжелое, – подтвердил Егорыч, зыркнув на деда.

– Может, свинец?

– Ты что? Какой свинец?

– Ну, свинец. По радио говорят, в воздухе свинца щас много – тыщи тонн. К примеру, молния ударила, он растопился да и упал на твою крышу.

– Знаешь что, дед! – рассердился Егорыч. – Шел бы ты поросям своим истории рассказывать. У меня амбар чуть ли не разнесло, а ты, как нарочно, байки травишь, словно насмехаешься.

– Я к примеру сказал, – растерялся Харлам. – Ну, не знаю... Можно у людей спросить, к примеру...

– Только людей мне не хватало. Всякий будет ходить, руками трогать и говорить мне чепуху...

Когда дед ушел, Егорыч поднялся на крышу и осмотрел пробоину. Для ремонта требовалась пара хороших досок да кусок рубероида. Достать не трудно, но...

Но обидно. До чего ж обидно!

* * *

С утра у Алешки было чудесное настроение. А, собственно, какое может быть настроение у мальчишки на летних каникулах, когда целый мир лежит перед тобой и есть время, чтоб весь его облазить и проверить?

Алешка направлялся к броду, намереваясь посмотреть свои баллоны. Еще в начале лета он стащил к речке с десятков автомобильных и мотоциклетных баллонов и побросал их на мелководье. Если тихо подкрасться и быстро поднять такой баллон, внутри можно было обнаружить одного, а то и двух жирных вертлявых пескарей.

Толку от такой добычи мало – разве что кота накормить. Зато какое удовольствие обмануть и поймать хитрую скользкую рыбину! Пока про его рыбхозяйство не знал никто из деревенских пацанов, и почти каждый день Алешка приносил в дом не меньше пяти крупных пескарей, насаженных на травинку.

Если же охота оказывалась неудачной, можно было посидеть в развилке трех сучьев старого вяза, выросшего на берегу, помечтать в густой кроне, тайком понаблюдать за каким-нибудь мужиком, что шел себе с граблями по дороге, не ведая, что на него глядят из ветвей.

Между огромных шершавых сучьев было удобно, как в

кресле. Алешка планировал со временем прибить тут пару дощечек для еще большего удобства, а еще сделать веревку, чтоб лучше было спускаться и подниматься.

Однако этим планам суждено было остаться неосуществленными. Едва лишь увидев вяз издалека, мальчик понял, что обустраивать свой наблюдательный пункт ему уже не придется.

Дерево было искалечено. Один из трех сучьев валялся на земле, трагически белея обнаженным древесным нутром. Остальные два разошлись рогаткой – могучий ствол оказался расколот надвое. Внутри он был черен, как головешка.

Он и был головешкой. Подойдя ближе, Алешка понял, что его любимое дерево сожгла молния. Он обошел вяз вокруг два или три раза, словно желал убедиться, что его уютного и безопасного уголка больше не существует. Дерево было испорчено безнадежно.

Мальчик сел на траву лицом к реке и уставился на воду, которая, как всегда, легко и беззаботно бежала по камушкам. Ничего не изменилось, если не считать гибели вяза. Всего-то старое дерево, но без него место стало другим – чужим, неинтересным, голым каким-то...

Алешка искал взглядом, где бы еще он мог устроить себе гнездо, но так и не нашел. Вокруг были только кусты, жиденько покрывающие однообразные покатые берега.

Мальчик наконец поднялся, снял сандалии и ступил в прозрачную воду, тут же обхватившую его лодыжки холод-

ными упругими пальцами. Если дерева больше нет, то надо хотя бы проверить баллоны.

С этого места он еще раз взглянул на вяз и вдруг заметил нечто необычное. В трещине между половинками ствола темнел круглый предмет. Как будто кто-то закинул туда мяч и не смог достать.

Алешка, позабыв про пескарей, вернулся к дереву. Допрыгнуть до круглого предмета не удавалось, и мальчик начал карабкаться по стволу, пачкаясь обугленной корой.

Через полминуты странный кругляш оказался перед его глазами. Покрытый копотью шар размером чуть меньше Алешкиной головы висел в расщелине, как пушечное ядро, застрявшее в стене крепости.

Эта штука выглядела подозрительно правильной, словно и впрямь была сработана человеческими руками, а затем выпущена из неведомого орудия. Получалось, что именно она своим ударом и расколола старый вяз надвое.

Алешка попробовал выковырнуть шар из расщелины, но ничего не вышло. Дерево прочно держало причину своего несчастья. Алешка повисел на стволе еще пару минут, осматривая и ощупывая находку, пытаясь сдвинуть ее хоть на волос. Ничего не выходило. Здесь требовались топор и сильная взрослая рука.

На взрослую руку мальчик не надеялся – кто согласится тащиться к броду и рубить дерево из-за какого-то булдыгана, неизвестно почему застрявшего в стволе?

И тогда мальчик решился все сделать сам. Утащить из сарая топор, взять с собой пару поленьев для распорок и освободить таинственный шар, чтобы разобраться с ним не на весу, а в спокойной обстановке у себя во дворе.

Надев сандалии, Алешка помчался домой, забыв даже проверить свои баллоны, где отдыхали в тот момент семь крупных мясистых пескарей.

* * *

Гендос соскочил с автобуса и, бросив водителю «Будь здоров!», бодро зашагал по наезженной стежке в сторону поселка. Не пройдя и двух сотен шагов, он услышал за спиной гул двигателя. По звуку он определил, что едет «УАЗ» и что заправляется он последний раз возле гаража «Сельхозтехники» – только там так бессовестно разбавляли бензин.

Не оборачиваясь, Гендос вскинул свою забинтованную руку. Если свои – сами остановятся, подберут, а если чужие, то тут уж следует намекнуть.

Оказалось, чужие. Желтый «уазик» остановился точно возле него. Стекла были опущены, внутри маялись от духоты двое незнакомых мужиков. Один – толстый и бородатый, в очках, в рубашке на заклепках – высунулся и спросил:

– Милейший, эта вот дорога – она куда?

– На поселок, – с некоторым удивлением ответил Гендос. Вопрос был откровенно глупым: всякий здесь знал, что эта

дорога ведет только к поселку, и больше никуда. Для того и проложена, чтоб люди могли по ней добираться до поселка, сходя или съезжая с большака.

– Какой поселок?

– Пустозем, конечно, – ответил Гендос. – Здесь других нет, извиняюсь за выражение.

– Ну да, конечно. – Бородатый скрылся в кабине, шурша там какой-то бумагой. – Название оптимистичное, – добавил он.

– Вы, извиняюсь за выражение, меня-то подбросите? – напомнил о себе Гендос.

– Давай садись, милейший, – кивнул бородатый. – Заодно и поговорим.

Гендос забрался на заднее сиденье, принялся. Машина была совсем чужая, издалека. Скорее всего из области. За рулем сидел мужик в повязанном на голову платке. Брови у него были белые, прозрачные, да и лицо казалось каким-то блеклым. Словно и не загорал человек никогда.

Бумага на коленях у бородатого оказалась картой. Он водил по ней карандашом, рисуя линии и кружочки.

– Слушай, – сказал он. – Тут никакого Пустозема нет.

– Ну правильно! Он по картам и документам проходит как, извиняюсь, Перспективный. Но у нас все по старинке говорят – Пустозем.

– Ага, Перспективный, есть такой...

– Вы, извиняюсь за выражение, откуда, мужики? – спро-

сил Гендос.

– Издалека, – вздохнул бородатый мужик. – Значит, Пустозем, говоришь?

– Сто пудов – Пустозем! – побожился Гендос.

Бородатый сунул руку под панель и вытащил микрофон рации на витом шнуре.

– База, база, как слышно? – В рации заскворчало. – Слышь, Петрович, а Пустозем, в смысле Перспективный, в плане? Я что-то не пойму...

Рация еще раз проскворчала. Гендос, сколько ни напрягал уши, ни слова не разобрал. Но бородатый все выслушал и вернул микрофон на место.

– Надо проверять, – сказал он.

– Будем проверять, – безразлично отозвался шофер.

Гендос почувствовал тревогу. Что это, интересно, они собрались проверять? И за какие грехи их поселок надо проверять? А может, зря он к ним подсел?

– Вы, извиняюсь, чего хотели-то? – неуверенно спросил Гендос.

– Тебя как зовут, милейший? – спросил вместо ответа бородатый.

– Гендосом. Генка я. А вы...

– Скажи нам, Генка, прошлой ночью слышал ты что-нибудь? Или, может, видел? Что-то странное, а?

– Слышал. И видел. К дежурной сестре шабашники приходили, которые крышу делают, так вот она с ними всю ночь

спирт пила.

– Какой спирт? Какие шабашники?

– В больнице. Я всю неделю там пропадал, только сегодня вот домой отпустили.

– Тебя, значит, не было тут? – разочарованно проговорил бородатый.

– Не-а. Не было. Я в городе был. Во, гляди, – он продемонстрировал забинтованную ладонь. – Работал, извиняюсь за выражение, на току, и какая-то погань в болячку попала. Рука опухла что лопата и болит же, сволочь! Ну, я в город, к докторам. Те болячку срезали, а оттуда как потекло! Чуть не пузырями! И такое ведь вонючее...

– Жаль, – сказал бородатый. – Что ж, придется по дворам походить.

– Чего ищите-то? Может, я знаю?

– Ищем, милейший, метеориты. Как назло, в грозу упали, никто не видел и не слышал. Уже с десятков деревень объехали – хоть бы что!

– Ну, это надо у людей узнать, – рассудил Гендос. – Если что, могу подсобить. Работать мне все равно пока нельзя, а я тут всех, извиняюсь за выражение, знаю.

Ему вдруг приглянулась роль участника научной экспедиции: возят на машине, спрашивают, интересуются, а ты им только показываешь да рассказываешь: вот тут колодец, вот коровник, вот силосная яма... Ничего они, конечно, не найдут – в Пустоземе сроду ничего не происходило, – но все

равно приятно.

– Посмотрим, – сказал бородатый. – Это уже поселок, что ли?

Он указал на верхушки крыш, показавшиеся за бугром.

– Точно, – кивнул Гендос. – Вон первый дом, там Ызя живет.

– Кто-кто?

– Ызя, говорю, механизатор. Только у него трактор покамест отобрали. Он весной, извиняюсь, уснул за рычагами да и снес курятник, а потом хорошо в болоте застрял, а то б еще чего натворил.

– Чей курятник-то, свой?

– Еще чего – свой! Пастуха, Сквалыгина. Тот тоже чудик. В прошлую весну переводил стадо через брод, и у него двух коров в реку унесло! Одну потом вытащили, а другая так и плавает, может, уже и морской коровой стала, извиняюсь за выражение. Или, наверно, кто-то прибрал к рукам. А вон видите домик? Там Гена-грех живет. Вот он чудило, каких еще поискать надо. Отсюда не видать, у него трубы вокруг дома. Решил, извиняюсь, устроить себе канализацию – чтоб все из нужника прямо в канаву. Ну и что, на другой день вся его канализация на соседском дворе плавала. Хотели ему за то морду бить, но не стали – он назавтра полез на крышу ставить ветровой двигатель и свалился, руку сломал.

Незнакомцы переглядывались, медленно шалея от потока столь занимательной информации.

– А вон избенка серенькая, видите? Там Варвара, вдова. Баба хорошая, но суровая. Одна живет – и муж, и сын померли. Сын – вертолетчик был, разбился.

– Вертолетчик, говоришь?.. – произнес наконец борода-тый. – А все-таки с кем поговорить тут можно?

– А с кем хошь, с тем и говори. Вон хоть бы с Бабаем, он небось дома сейчас сидит. Но тот тоже с мозгами набекрень. В прошлый год бабку свою накормил, извиняюсь, мухоморами. Набрал их целый карман, как нарочно, отварил – кушай, говорит, дорогая бабушка, на здоровье. А сам, стервец, сидит смотрит, чего ей будет. А ей чего – денек в туалете помаялась, а на другой уже на работу вышла...

Одна захватывающая история сменялась другой, приезжие все больше сатанели, но слушали. Вскоре «уазик» въехал на улицу поселка.

* * *

Вечером, когда Егорыч работал на огороде, к нему заглянул дед Харлам.

– Ну чего, сходил ты к москвичам? – спросил гость.

– Каким москвичам? – удивился Егорыч, отставляя лопату.

– Ну, что сегодня приехали. Сходил?

– Кто приехал? Зачем к ним ходить? – недоверчиво переспросил Егорыч.

– Вот же голова трухлявая! – всплеснул руками дед. – Ты ничего не слышал, что ли?

– А когда? Я только с работы, чуть поужинал, сразу сюда...

– Ну, человек! – рассмеялся дед Харлам, радуясь, что именно ему выпало сообщить такую замечательную новость. – Москвичи приехали. Сказали, в грозу с неба падали камни, и теперь ищут, где они лежат.

– Да ты что! – оторопел Егорыч.

– Беги скорей, дурилка! – радостно засмеялся дед. – Их в учительском доме поселили. Беги разбирайся.

Егорыч отбросил лопату и выскочил за калитку, не потрудившись надеть рубаху поверх потной майки. Учительский дом был в самом конце поселка. Его так прозвали, потому что раньше туда каждую осень селили новых учителей – молодых ребят, приезжавших работать в деревню, чтоб не попасть в армию. Долго никто не задерживался, обычно через полгода и след их простывал. А на следующую осень приезжали новые.

Пару лет назад школу упразднили – мало стало учеников. Оставшимся приходилось ездить теперь в Белые Грязи – большую деревню в пяти километрах от поселка. Но дом в народном сознании так и остался учительским. Хотя селили в него теперь только шабашников, командированных и прочий временный люд.

Егорыч издали приметил незнакомый желтый «уазик», приткнувшийся к крыльцу. Рядом сидел на чурбачке тол-

стый бородатый мужик в очках и хлебал из пластмассовой бутылки газировку. На подбежавшего Егорыча он посмотрел задумчиво, но без интереса.

– Вы, значит, насчет камней? – уточнил Егорыч, отдышавшись.

– Мы, а что? – Глаза за очками слегка ожили.

– Вы то есть по этим камням здесь главные, верно?

– Ну, верно. А в чем дело? – Бородатый даже сделал попытку встать, но передумал.

– То есть когда людям на головы эти камни сыплются – это по вашей части, точно?

– На головы? – озадаченно переспросил незнакомец.

– А то! Да мне эти ваши камни пол-амбара развалили! И кто будет отвечать?

Бородатый наконец встал, пристроил бутылку на чурбак, затем повернул голову к дому:

– Матвей, выйди на разговор!

На крыльце показался худой парень с белыми волосами и бровями. Он был одет в спортивный костюм, в руке держал книгу.

– Где твой амбар? – спросил бородатый у Егорыча. – Пойдем глядеть.

– Ух ты, какой скорый! Кто отвечать будет, я спрашиваю? Вы свои камни раскидываете, а мне расходы за них нести? Так, по-вашему?

– Да мы их, собственно, не раскидываем...

– Ты мне мозги не забивай, а говори начистоту. Кто ущерб возмещать будет?

– Вы камень нашли? – спросил белый.

– Нашли, нашли... Еще б чуть-чуть – и в голове бы у меня нашли.

– Ты успокойся, брат, – посоветовал бородатый. – Ты сначала покажи камень-то.

– Ишь ты! А ущерб?

Москвичи переглянулись. Молодой сунул руку в карман и чем-то там погромел – мелочью или ключами.

– Сколько ущерба? – прямо спросил он.

– Сейчас прикину, сколько. Крышу латать – рулон рубероида надо. И доски – полкубометра.

– Завтра начальство приедет – все выдадим.

– Тогда завтра и приходите. А то, знаю я вас, опять забудете или скажете, что не уполномочены или еще какую чепуху.

– А ежели ты врешь, милейший? – подал голос бородатый. – Вот мы сейчас, не посмотревши, начальство побеспокоим, а окажется, что нет ничего. Как быть? Нам сначала убедиться надо.

– Ах, убедиться? – усмехнулся Егорыч. – Ну, это всегда пожалуйста. Идем, сейчас я вам амбар покажу.

– Далеко? – спросил молодой. – А то, может... – он кивнул на машину.

– Недалеко, ножками дотопаем, – пообещал Егорыч.

Москвичи пошушукались и отправились вслед за ним.

– Значит, говорите, вру я? – сказал Егорыч, подходя к своему двору, где в ожидании развязки ошивался дед Харлам. – А вот!

Он торжественно указал на круглую дыру, чернеющую в скате крыши.

– Это что, по-вашему, ворона мне проклевала?

Молодой присвистнул, они с бородатым вновь начали шептаться. Егорыч услышал что-то вроде «маловата дырочка».

– Как так – «маловата»? – встревожился он. – Да у меня крыша напрочь изувечена, а вы – «маловата»...

– Мы не о том, – туманно ответил молодой, делая успокаивающий жест, а сам продолжил совещаться с бородатым. – ...по массе, конечно, больше представляли, но кто знает, какая там масса? – услышал Егорыч. – А если разлетелось в атмосфере? Может и так быть. Потому и шума почти не было... Вокруг надо смотреть...

– А ну-ка погляжу, – сказал бородатый и самым нахальным образом направился в калитку.

– Стоять! – скомандовал Егорыч и расставил руки в стороны, оберегая от чужаков двор. – Сказано – сначала ущерб, потом забирайте! И не имеешь такое право, на мое имущество заходить!

– Да я только поглядеть... – начал было бородатый, но Егорыч стоял насмерть.

– Оплотишь, потом смотри, пока глаза не вылезут.

Пускать чужаков в амбар Егорыч не собирался. Там они быстренько узнали бы, что затребованных полкубометра досок на ремонт не нужно, хватило бы и пары штук.

– Может, все-таки пустите взглянуть? – еще раз подступился молодой.

– Ни в какую, – замотал головой Егорыч. – Мое слово сказано как приклеено.

Москвичи еще пошептались, затем повернулись и пошли к себе.

– Ладно, – сказал на прощание бородатый. – Завтра все будет. Смотри, метеорит не профукай. Завтра после обеда решим вопрос.

– Эй, я на работе до восьми! – крикнул вслед Егорыч.

Дед Харлам, который наблюдал все переговоры молча, теперь только крякнул. Егорычу было немного совестно, что люди пришли по серьезному делу, а он их так турнул из-за каких-то досок. Поэтому, чтобы заглушить голос совести, он громко сказал:

– Больно деловые! Думают, им тут все на тарелочке поднесут, раз москвичи.

Дед что-то промямлил да и пошел дальше по своим делам. Егорыч вернулся на огород, прикидывая, что досок, вырубленных за разоренный амбар, ему хватит не только на ремонт, но и на то, чтоб поставить новое крыльцо.

«Мало попросил, – досадовал он, ковыряя лопатой грядку. – Надо было больше. Надо было кубометр просить...»

Если накануне о приезде экспедиции знала только половина поселка, то утром об этом говорили уже все. Витек тоже слушал разговоры и удивлялся вместе со всеми, однако не мог связать ночное происшествие в кукурузе с поисками каких-то камней.

Сначала он хотел сходить на то место и осмотреть все при свете дня, но так и не собрался. Должность моториста довольно хлопотная, особенно в хозяйстве, где большая часть техники не то что просится, а просто умоляет отправить ее на свалку.

А потом и интерес пропал. Ну, ударила молния, ну пожгла маленько посадок – разве событие? А в то, что эта молния ударила ему чуть ли не по макушке, никто не поверил. Все только посмеивались и участливо справлялись, сколько в той молнии было градусов и из чего ее нагнали. Особенно тетка издевалась, жала своим ядовитым языком.

Зато Алешка, даром что пацан, сразу смекнул, что к чему. И теперь в нем боролись сомнения. С одной стороны, хотелось сейчас же прибежать к москвичам, гордо выкатить грудь и заявить: я камень нашел!

Но если рассудить по-другому, то взрослые сразу отберут находку и больше не подпустят. А так хотелось сначала самому с ней повозиться, все потрогать, по возможности рас-

ковырять...

В конце концов победили нетерпение и мальчишеское тщеславие. Тем более Алешка понимал, что сам он вряд ли сможет выковырнуть булыжник из ствола – маловато силенки.

С утра мальчик приблизился к учительскому дому и с подчеркнутым безразличием спросил у бородатого москвича:

– Вы, что ли, круглые камни ищите?

– Мы, – ответил москвич с таким же безразличием. Но в следующую секунду подпрыгнул: – А откуда знаешь, что круглые?

Через десять минут мальчик уже сидел на переднем сиденье желтого «уазика» и показывал дорогу белобрысому водителю. Проезжая поселок, он энергично крутил головой, пытаясь выяснить, видит ли кто-нибудь его триумф. Но, кажется, никто не видел – большинство поселковых были на работе.

– Как звать, пионер? – спросил бородатый дядька.

– Алешка.

– Это хорошо, – ответил москвич и умолк, задумавшись.

– А вы кто? – поинтересовался мальчик.

– Мы? Да мы так...

– Из Министерства обороны?

– Какой еще обороны?

– А вон у вас бумажка из-под сиденья торчит...

Водитель, нахмурившись, запихнул поглубже мятый

бланк с грифом «Министерство обороны».

– Лично я – из Академии наук, – сказал бородатый. Его напарник промолчал.

Верхушку вяза обычно было видно с дороги метров за триста до брода. Алешка ждал, когда изувеченное, но непобежденное дерево покажется из-за бугра, однако этого никак не происходило.

Вот уже и поворот, за которым дорога вела через реку по мелководью, по веселым гремучим камешкам, а деревья не видно. И когда машина выкатилась на берег, мальчик понял, что вяза больше вообще нет.

На его месте находился большой желтый бугор, похожий на шапку пены. По размеру он не уступал «уазику». Снизу торчали остатки вяза – он раскинул в стороны свои сучья и лежал как раздавленный. Прежде могучие ветви поникли и примялись к земле, став какими-то жалкими, немощными, будто стариковские руки.

Алешка смотрел на это широко раскрытыми глазами, ровным счетом ничего не понимая. Откуда эта желтая штука? Как она могла раздавить большое дерево?

– Ну? – спросил бородатый.

– Здесь был, – ответил мальчик. – На этом месте.

Москвичи вышли из машины, обошли желтый бугор кругом. Алешка несмело выглядывал из-за их спин. Теперь было видно, что это огромный ком спутанных кучерявых волокон, похожих на медную стружку. Или на гигантскую мочал-

ку.

– Сергеич, ты такое когда-нибудь видел? – спросил шофер.

– М-м-м... – ответил бородатый.

Шофер начал подносить к мочалке маленькую коробочку и слушать, как она пищит. Сергеич тем временем подобрал палочку и начал поддевать ею желтые скрученные волокна. Наконец он поймал одно из них и вытянул наружу. Волокно было как пружинка – упругое, витое, с остреньким кончиком-завитком.

– Значит, говоришь, камень был в дереве? – обратился бородатый к Алешке, который малость осмелел, подошел к мочалке и трогал ее кончиком сандалии.

– Ага. В стволе засел.

– Точно? Не врешь? Не показалось?

– Точно. Черный такой, как обгорелый.

– А теперь – ни камня, ни дерева. Ясенько... Слышь, Матвей! Как думаешь, увезем мы с собой эту штуку?

Вместо ответа вдруг раздался испуганный вскрик. Матвей, как оказалось, зашел с другой стороны и сунул руку в переплетение желтых пружинок. Теперь он не мог ее вытащить.

– Сергеич, помоги! Оно вроде затягивает...

Бородатый проворно вскочил и подбежал к товарищу. Он уперся ногой в мочалку и начал оттягивать ее руками в сторону.

– Дергай! Дергай руку! – скомандовал он.

Белобрысый дернул и снова вскрикнул. Рука была на свободе, но вся оказалась исцарапана, из множества крошечных ранок сочились капельки крови.

– Хотел внутри проверить – думал, может, есть что, – растерянно проговорил он, обтирая кровь краем рубахи. – А оно как потянуло, будто болото.

– Думать надо! – рассердился бородатый. – А если заразу подцепил? Иди возьми бинт в аптечке...

– Никуда мы ее не повезем, – сказал Матвей, торопливо оборачивая руку бинтом. – На месте надо смотреть. Ставить комплекс прямо в деревне и разбираться.

– Да, разворачиваться нужно по полной программе, – согласился бородатый.

– И людей хорошо бы отселить.

– Ага, размечтался. И трехметровым забором поселок обнести, еще скажи... Охрану выставить – вот что надо.

– Кого ж выставлять? – вздохнул Матвей. – Кто тут, кроме нас?

– Значит, сами и будем. Слышь, пионер! – бородатый обернулся к Алешке и сделал насколько возможно серьезное лицо. – Ты беги домой. И никому про это место не говори, ладно?

– Ладно, – пожал плечами мальчик. – А вы что будете делать?

– А ничего. Ждать своих будем.

Алешка, конечно, не поверил, что ученые будут просто так сидеть возле этой штуки и чего-то там ждать. Но остаться здесь он не мог: мать просила прийти домой пораньше и помочь отметить зеленкой кур, чтоб не путать с соседскими.

Уходя, Алешка знал, что вскоре вернется и тайком подглядит, чем будут заниматься таинственные москвичи.

* * *

С утра дед Харлам вышел на луг, догола обципаный коровами, и некоторое время занимался там подбором сухих коровьих лепешек, намереваясь переложить ими грядки в теплице.

Когда солнце и мухи истомили его и он принялся складывать урожай на тележку, на дороге вдруг показалась необычная процессия. Впереди ехал «уазик» защитного цвета. На его крыше громоздился большой белый ящик, утыканный целым ворохом антенн.

За «уазиком» катились три «КамАЗа»-вездехода с фургонами. И еще два бортовых «ЗИЛа» замыкали колонну. Ни одна из машин не походила на обычную раздолбанную сельскую технику, к которой за долгие годы так привык глаз старика. Каждый автомобиль был обвешан какими-то посторонними деталями – лебедками, баками, подпорками. Выглядело это довольно грозно.

«Война, что ли...» – пробормотал дед, невольно отступая к кустам вместе со своей лопатой и тележкой.

Колонна между тем сбавила скорость и начала заворачивать на тот самый луг, где дед едва закончил подбор удобрений. Откуда-то вырулил и желтый «уазик», из него показался бородатый москвич и помахал прибывшим рукой.

Из машин начали высыпать люди, некоторые действительно были в военной форме.

– Чего делается-то! – замороженно прошептал дед, отползая все дальше в кусты. Он все пригибался и пригибался к земле, пока вовсе не лег, собрав перед собой кучу веток, как опытный разведчик.

Прибывшие люди встали в круг, поговорили, потом разошлись и занялись делами. Одни доставали грузы из машин, другие размечали что-то на земле, третьи, взяв топоры и пилы, отправились к перелеску.

Огромное впечатление на деда произвело то, что они делали с «КамАЗами». Водитель поворачивал что-то в кабине, мотор начинал натужно гудеть, а фургон – раздвигаться вширь, превращаясь во вместительный домик с окнами.

Деду Харламу вдруг стало страшно, что кто-то засечет его наблюдательный пост и выволочет наружу и его самого, и тележку с навозом. Он отполз еще на десяток метров, а там привстал и торопливо покатил тележку прочь, оглядываясь и прислушиваясь.

В поселке уже заметили прибытие автоколонны, и на-

встречу деду вылетела ватага мальчишек, спешивших первыми про все узнать.

К обеду эти же мальчишки принесли в поселок достаточно полные сведения о происходящем. Оказалось, приехали ученые – целая экспедиция с походными лабораториями. Они расставили на лугу свои фургоны, воздвигли разные навесы и палатки и теперь собирались искать метеориты, которыми посыпало землю в ту грозовую ночь.

Мальчишки по секрету добавляли, что падение метеоритов засекли военные локаторы. Уже на следующий день целый полк солдат прочесывал лес в семи километрах от поселка, но никто ничего не нашел. Теперь эти же солдаты будут искать камни здесь.

Кроме того, мальчишки дополнительно сообщили, что ученым активно помогает в обустройстве Гендос, держится там за своего и очень задирает нос. Уже дважды его посылали в магазин – за вином и, кажется, за хлебом.

Самым приятным известием оказалось то, что за каждый найденный метеорит поселковым была обещана премия – небольшая, но приятная. В доказательство говорилось, что Алешка показал москвичам, где лежит один такой камень, и получил награду. Теперь он, правда, объевшись жвачками и шоколадками, сидел дома, ничем не интересуясь.

Вечером, когда народ вернулся с работы, почти весь поселок пришел на луг, чтобы лично посмотреть, как обустроиваются незваные гости. Мужики собирались в кучки, рас-

саживались вдоль канавы, что отделяла луг от дороги, и наблюдали за пришельцами, смоля папиросы.

Ученые перетаскивали ящики и коробки, гремели ложками о тарелки, жгли костры, тянули провода, хлопали дверями машин и в свою очередь поглядывали на поселковых. Местные и приезжие стояли друг против друга, как два войска, разделенных канавой, и не спешили вступать в знакомство.

То и дело между палаток и фургонов мелькала забинтованная рука Гендоса. Он летал взад-вперед, как ласточка, стремясь всем помочь и дать совет. Вот он участвует в забивании колышков для навеса, вот показывает, как обтесать жердь, а вот уже несется к кому-то с ведром воды.

Мужики пускали папиросные дымки и комментировали:

– Гля, как старается – аж штаны трещат.

– Думает, наверно, ему академика присвоят.

– И особую благодарность с занесением в грудную клетку...

Гендос, не слыша реплик, иногда останавливался, отдувался, вытирая пот с лица, и, бросив беглый взгляд на односельчан, несся дальше.

– Эй, не торопись – пупок развяжется! – кричали мужики.

Егорыч сегодня припозднился с работы и пришел на луг, когда там было уже полно публики. Он помнил, что сегодня должно было приехать начальство и оплатить изувеченный амбар. Некоторое время он бродил вдоль канавы, высматри-

вая бородатого москвича и никак не решаясь пересечь невидимую границу. Затем увидел Гендоса, бегущего куда-то с мотком провода, и бросился ему наперерез.

– А ну, по тормозам!

– Чего? – Гендос остановился и принял вид крайне занятого человека.

– Где этот... С бородой, в очках. Где он?

– Кто, Сергеич? Отъехал вроде. Куда-то к речке, к броду.

А чего тебе?

– А надо. Где тут начальство, отвечай. Разговор есть.

– Ты что?! – Гендос обозначил на лице ужас. – Люди делом заняты, а ты, извиняюсь за выражение, с разговорами. – Ему явно не хотелось упускать монополию на близость к важным гостям.

Тем временем мужики заметили, что граница между местными и приезжими как бы прорвана, и начали подтягиваться к разговору.

– Ну, чего, – усмехнулся Ленечка Шурочкин по кличке Выкусь-Накусь. – Ты тут всех уже обслужил, обстирал, нет?

– Чего тебе? – рассердился Гендос.

– Бегаешь быстро. Народ волнуется, как бы вторую клешню не надорвал.

– Ты б не зубоскалил, а лучше б людям баньку приготовил. Люди с дороги, уже спрашивали, у кого, извиняюсь за выражение, попариться можно.

– А я им банщик? – высокомерно ответил Ленечка, хотя

и остался польщен предложением.

– Не хочешь, они к другим пойдут, подумаешь... – пожал плечами Гендос. – А завтра, между прочим, начальник этого табора прибудет. А начальник знаешь кто?

– Алла Пугачева, – ухмыльнулся Ленечка.

– Хрен тебе в ухо, а не Пугачева. Начальник – Борис Михайлович Олейник, понял?

– Кто это? – озадачился Ленечка. – Из «Динамо», что ли?

– Ага, ты еще скажи, из балета. Космонавт Олейник, тот самый! Деревня!

– А-а, – сказал Ленечка, перестав усмехаться.

– Ага! Что, не хочешь космонавта в своей баньке попарить?

– Э, постой! – вмешался Егорыч. – Выходит, начальства еще нет?

– Сказано – завтра он будет.

– Слышь, Гендос, – подал голос кто-то из мужиков. – А взаправду говорят, за камни деньги давать будут?

– Вот же чудные, извиняюсь за выражение! Я ведь говорил уже – будут давать. Ну, не за всякие, конечно...

– Оно понятно. Завтра бабу свою за грибами отправлю, может, найдет метеорит...

– Деньги? – испугался Егорыч. – Какие такие деньги? Кому – всем, что ли? И сколько?

– Сказано – всем, кто найдет. Немного, конечно...

Егорыч отошел в сторону совершенно обескураженный.

За найденный метеорит полагалось куда меньше, чем он рассчитывал запросить за сломанную крышу. Выходило, что теперь любой голодранец понесет москвичам камни и получит мзду, а ему, Егорычу, ущерба не возместят. Зачем возмещать, если метеоритов и так будет завалиться?

Злой и расстроенный он поплелся домой. Вскоре за ним потянулись и остальные. У всех были свои дела, никто не собирался торчать тут до темноты. Кроме, может быть, Гендоса.

* * *

Наконец произошло то, что должно было. Витек, когда речь зашла о деньгах, малость напряг мозги и понял – между происшествием на кукурузном поле и приездом экспедиции есть связь.

Ему, конечно, следовало сначала сбегать на поле самому и убедиться, что действительно там есть камень. Но времени на это не хватало. Витек поздно заканчивал работать, и ему не улыбалось после тяжелого дня тащиться за реку. Лучше все рассказать москвичам, а они – люди серьезные, не поленятся послать в кукурузу машину.

Вечером, переодевшись и наскоро сполоснувшись колодезной водой, он явился в стан ученых, походил среди палаток и наконец обратился со своим сообщением к загорелому мужичку в желтой иностранной кепке.

К словам Витька отнеслись довольно скептически. Дело в том, что за прошедший день ученым принесли не меньше двух центнеров больших и малых булыжников, уверяя, что это как раз те самые камни, что упали в грозу. Вдобавок поселковые замучили москвичей рассказами, что, дескать, на кладбище по ночам ходит какой-то парень, которого десять лет назад там зарезали беглые зэки, что в реке водится пятиметровый сом, способный утащить под воду лодку с рыбаками, и что в старой церкви, отданной под склад, таинственным образом пропадают овес и комбикорм.

Ученые от таких речей приуныли. Их решительный настрой несколько пошатнулся. У Витька прежде всего спросили, сколько он выпил накануне падения метеорита. Тот божился, что самую малость – ну, от силы литр на троих. И все равно на него поглядывали недоверчиво.

Недоверие не рассеялось и в машине, которая везла его на кукурузное поле. За рулем сидел белобрысый москвич Матвей, а еще с ними поехал некий Сева – бойкий молодой парень, одетый в жилетку с парой десятков карманов. На ремне у него висело несколько черных кожаных футлярчиков с ножом, маленьким биноклем и еще какими-то приспособлениями.

Какое-то время машина медленно шла по краю поля, переваливаясь на кочках, вспугивая птиц, устроивших в густой траве гнезда. Витек пытался оживить память – он решительно не помнил, где сошел с бетонки и куда затем направился.

Москвичи его не торопили, лишь иногда как-то странно переглядывались и протяжно вздыхали.

– Куда вам столько кукурузы? – вяло поинтересовался Матвей. – На зиму маринуете или так едите?

– Это кормовая, – рассеянно ответил Витек, вглядываясь в зеленый горизонт. – Для еды у нас не вызревает.

– А вон там? – сказал вдруг Сева, приложив к глазам бинокль. – Там вроде зрелая – желтая...

Действительно, далеко в поле желтело малопонятное пятно. Витек даже забрался на крышу машины, чтоб убедиться.

– Идем, что ли? – вздохнул Матвей, останавливая машину и вытаскивая из-за сидений прямоугольный кожаный кофр.

Витек плелся сзади и молился, чтоб камень оказался именно там. Иначе он был бы просто опозорен. В поселке начали бы смеяться, что, мол, хотел сорвать премию и потащил москвичей в кукурузу. А каких гадостей наговорила бы тетка!..

– Ну, и что это? – сказал Матвей, остановившись у края желтой прогалины.

Витек вышел вперед. Кукуруза была желтая не от спелости, конечно. Она была сухая. Стебли стояли поникшие и чахлые. Даже земля под ногами казалась какой-то вялой, сухой, она проваливалась под ногами, как песок.

Витек прошел еще немного вперед и увидел воронку. Неглубокую, всего по колено. Ее окружали черные спаленные кукурузные стебли. Но никакого камня в ней не оказа-

лось.

– Это здесь было, – проговорил Витек, присаживаясь на корточки и трогая землю руками. Она и на ощупь была как песок.

Москвичи тоже присели, потрогали землю.

– И что? – спросил Сева. – Где метеорит?

Витек встал, осмотрелся. Ночью под дождем все, конечно, выглядело иначе. Теперь здесь было жарко и почти тихо, если не считать стрекота кузнечиков.

– Здесь было, – проговорил он. – Ничего не понимаю...

– Знаешь, мы тоже.

В воздухе повисла неприятная напряженность. Матвей, что-то ворча себе под нос, взял в пробирку несколько проб земли из воронки, Сева же озирает окрестности через свой бинокль. Витьку осталось только смущенно покашливать да крошить пальцами комочки земли.

Можно было предположить, что камень был здесь, а потом укатился или ушел в землю, но...

* * *

После обеда Алешка помчался к броду, чтоб выяснить, что нового на месте падения метеорита. К тому времени желтую мочалку накрыли шатром из темной пленки, а охранять ее поставили двух солдат с автоматами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.